

VII

НОВЫЕ ОБРАЗЧИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ

Мы помещаем письмо г. Свиристелева, точно так, как сделали и в первый раз: только ради его странности. Но мы, разумеется, уверены, что знаем жизнь лучше его и что объявления о сапожнике, о полицейском, о жене г. N. и т. п. в высшей степени назидательны. Мы это подтвердим когда-нибудь выписками из «Русского вестника», «Русского дневника», «Московских» и «Санктпетербургских ведомостей» и других газет и журналов, несомненно доказывающих, что гласность у нас цветет и в то же время приносит полезные плоды. Чтобы доказать, как мы веруем в пользу гласности (даже безыменной), мы помещаем несколько писем, присланных в редакцию, и несколько известий, составленных по ведомостям. Они все начинаются одинаково, и потому мы помещаем вполне только первое письмо; из остальных же оставляем только сущность дела. Известия подобного рода разделяются обыкновенно на солидные, остроумные и патетические. Мы помещаем здесь два солидных и два остроумных. На помещение патетических не решаемся...

1

В настоящее время, когда все стремится к свету и гласности, ни одно из темных явлений нашей жизни не должно укрыться от строгого суда общественного мнения. Считая священным долгом содействовать по мере сил общему делу нашего гражданского преуспеяния, прошу вас, мм. гг., поместить в Вашем

журнале следующий замечательный факт, за достоверность которого ручаюсь.

В *один* из осенних дней прошлого года ходил я с *одним* из моих знакомых по гостиному двору. Зашедши в *одну* лавку, знакомый мой стал торговать *одну* вещь, а я, соскучась ожидать его, вышел из лавки и подошел к *одному* торговцу яблоками. Я сторговал у него *один* десяток и отдал деньги с *одним* условием: чтобы все яблоки были свежи. Но, заглядевшись на *одну* из проходивших дам и положившись на совесть торговца, я не заметил, что *одно* из яблок, положенных им, было гнилое. К счастью, *одна* старушка, стоявшая возле, заметила подлог. Тогда я подозвал *одного* городского, случившегося поблизости, и он, по *одному* моему слову (должно отдать ему в том справедливость) немедленно принял меры к прекращению зла.

Объявляя об этом поступке недобросовестного торговца во всеобщее сведение, я имею в виду предостережение моих соотечественников; надеюсь, что после этого извещения другие, заглядевшись, подобно мне, по сторонам, не потерпят такого ущерба от недобросовестного продавца. Кто пожелает узнать имя, приметы и место торговли этого продавца, тот благоволит прислать запрос в редакцию «Свистка» с обозначением своего адреса: обо всем требуемом я могу известить его по почте.

X. Z.

В настоящее время и пр.

В недавнее время, возвращаясь с именинного пира от одного из моих знакомых, в одной из отдаленных улиц одного из уездных городов России, я имел

несчастье потерять в грязи одну из моих калош. Так как дело было вечером, то я и не мог отыскать ее при всех моих усилиях. Но на другой день она была найдена мною посреди улицы, против дома одного из домовладельцев нашего города. По исследованиям моим оказалось, что причина необычайного накопления грязи в этом месте заключается в небрежности означенного домовладельца, который против своего дома никогда не чинит мостовой.

Надеюсь, что поведение этого домовладельца, обнародованное теперь во всеобщее сведение, найдет себе строгое осуждение в общественном мнении.

N.

3

Мм. Гг.

Гласность полезна, как свет; но в нашем городе еще сомневаются и в том, что свет полезен. Хотите доказательств? Вот одно из них: у нас в городе в некоторые темные осенние ночи не зажигают фонарей на том основании, что они в календаре обозначены лунными. Но честный и правдивый календарь уже давно сознался в том, что не может предвидеть ни густых туманов во время ночи, ни черных туч, покрывающих звездное небо; он просто говорит, что в такую-то ночь будет луна, а известно всем, что луна светит. Вольно же эти невинные слова принимать за объявление, что весь город будет иллюминирован! Но кроме разных других причин, которые могли подать повод в такой нерациональной методе освещения, не замешалась ли сюда еще и та, что на календарь условились смотреть как на непогрешимого и строгого начальника? Это клевета: календарь не начальник.

Иной начальник действительно часто называет белое черным, а черное белым и достигает даже того, что и его подчиненные, отрекшись от веры в собственные глаза, подтверждают его нелепость с фанатизмом самым искренним; но календарь не надувает ни себя, ни других. Мало того: он вовсе не имеет безумной претензии приказывать луне светить во что бы то ни стало, сквозь сплошную массу туч; напротив, он полагает своим желанием пределы и тем опять—таки резко отличается от иного начальника, который, повелевая исполнить невозможное, кричит и, не хотя принять в соображение этой невозможности, кричит: чтоб было!

Напечатайте, мм. гг., мою заметку: может быть, она будет содействовать *освещению*, если не *просвещению* нашего города.

А. Ж.
(Из «Моск. вед.», № 1).

4

Гласность последнего времени обнаруживает много новых явлений в нашем общественном быту. Считаю нелишним рассказать об одном из них, хотя в нем ничего нет необыкновенного.

49

На днях некто³⁹ J. возвращался ночью домой. Ему оставалось до квартиры не более пятидесяти шагов, как вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову: что если, переходя улицу, он потеряет галоши? и если потеряет (в чем он не сомневался), то что обойдется

дороже: новые ли галоши, или извозчик? — Взвесив этот пункт и решив, что извозчика взять дешевле, он стал громко звать спасителя галош; но кроме эха, повторявшегося в темных переулках, никто не отзывался ему в безмолвии ночи. Почти в отчаянии пробирался J. тротуаром, как вдруг почувствовал чье-то теплое дыхание и затем фырканье. Удивленный неожиданною сценою, J. остановился и после некоторого напряжения глаз открыл, что пред ним стоит не какая-нибудь очаровательная сильфида, а просто — лошадь. «Эй, кто здесь?» — Нет ответа; все тихо, как и прежде. J. обходит канавою лошадь и экипаж и слегка толкает спящего кучера. — «Ты извозчик?» — «Извозчик». — «Перевези меня в этот дом, насупротив...» — «Слушаю-с», — и извозчик перевез нашего приятеля через улицу. — Что же тут необыкновенного? Очень просто: малые существа всегда подражают большим. Если кареты останавливаются на тротуарах, отчего там же не останавливаться и не засыпать извозчикам? отчего же и не получать прохожим поцалуев, сопровождаемых фырканьем, — когда в темноте и не такие сюрпризы случаются? отчего бы не поместиться и всей бирже на тротуарах? Улицы останутся тогда свободны для одних только обозов; никому не будет тесно, и даже — говоря с политической дальновидностью — пешеходы перестанут гранить тротуары, а будут ходить... по лошадям, дрожкам, каретам и спящим кучерам.

Фагот.

(Из «Одес. вестн.», № 19).